целесообразно и обоснованно включение *оплаты труда* (наряду с бедностью, пенсионной системой, образованием, здравоохранением, ЖКХ, демографией и др.) в разряд официальных приоритетов социальной политики и приоритетных действий органов власти и управления России. Абсолютно справедливым было бы также придать оплате труда статус очередного (пятого) национального проекта. Кроме этого данная категория давно заслуживает разработки и принятия специального Федерального закона «Оплата труда в Российской Федерации» (см. схему 3). Соответствующие разработки в научном сообществе имеются. Нужна только заинтересованность и поддержка властей.

Список литературы

Волгин, Н.А., Кокин, Ю.П. Доходы населения и оплата труда в современной России: анализ ситуации, обоснование действий органов государственной власти и управления: Монография. – М.: Изд-во РАГС, 2008.

Волгин, Н.А. Оплата труда – болевая точка сегодняшней экономики // Человек и труд. −2009.− №7.

Оплата труда в России и современном мире: проблемы, действия:/ под общ. ред. В.И. Плакси, Р. Крумма, Н.А. Волгина. – М.: Полиграф сервис, 2009.

Социальная политика в трудовой сфере: учебное пособие / под. общ. ред. Н.А. Волгина. – М.: Изд-во РАГС, 2009.

Социальные последствия мирового финансового кризиса / под. общ. ред. Н.А. Волгина, А.И. Щербакова. – М.: Изд-во РАГС, 2009.

© Волгин Н.А., 2010

Б.К. Злобин

ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ: НАУЧНАЯ АБСТРАКЦИЯ И РАЛЬНОСТЬ

ЗЛОБИН Борис Константинович – доктор экономических наук, профессор кафедры социологии РАГС (e-mail:bk.zlobin@mail.ru)

Аннотация. *Рассматриваются актуальные проблемы научного предвидения и моделирования поведения человека как субъекта рыночных отношений в условиях трансформации социально-экономической системы России.*

Ключевые слова*: человек экономический, интерес, деятельность, капитал, товар, рабочая сила, предприниматель, имущественное и социальное неравенство, социальное партнерство.*

Будущее России во многом зависит от того, как происходящие в стране реформы воспринимаются в сознании и ожиданиях людей, как они влияют на жизненный выбор человека. Не случаен поэтому всплеск актуальности проблем научного предвидения и моделирования человеческого поведения в изменяющейся общественной среде, в том числе и особенно в сфере экономических отношений[1].

По наиболее цитируемым российским источникам, понятие «человек экономический» (*homo oeconomicus*) представляет собой теоретическую модель человека, отражающую его поведение как субъекта экономической деятельности. В обобщении В.С. Автономова главные компоненты такой модели − гипотезы о мотивации целевой функции экономической деятельности индивида, а также о его физических, информационных и интеллектуальных возможностях, позволяющих индивиду в той или иной мере достигать своих целей[2].

Одним из центральных и принципиально значимых в нашей статье будет доказательство того, что тип или модель человеческого поведения определяются (должны определяться) не видом деятельности, а видом интереса человека. *Homo oeconomicus* − очеловеченный образ экономического интереса как один из видов (разновидность) человеческого поведения в социальной среде. Но сначала надо определиться с тем, какой позицией, на какой моделью экономики придерживается сам исследователь, из какой экономической теории им выводится или эксплицируется модель *homo oeconomicus.*

В разных течениях социальной мысли, в разных экономических школах и даже у представителей одной и той же школы модель *homo oeconomicus* формируется на разных основаниях. У основоположника классической экономии А. Смита такие основания можно найти в его концепции «невидимой руки», согласующей поведение субъектов рынка посредством свободной конкуренции. *Homo oeconomicus* эксплицируется из этой теории как конкурент Его свобода рыночного поведения ограничивается свободой действий других конкурентов.

В теории К. Маркса *homo oeconomicus* предстает как человек двойственный. С одной стороны, это главная производительная сила общества, производитель материальных и духовных благ и их потребитель независимо от государственной, политической и других форм организации общества; с другой − человек является воплощением, или субстратом всей системы общественных, в том числе экономических отношений, ставящей человека

---

[1] См. труды Автономова В.С., Верховина В.М., Веселова Ю.В., Радаева В.В., Рывкиной Р.В., Федотовой В.Г. и др.

[2] См.*: Автономов, В.С*. Человек в зеркале экономической теории. − М., 1993. − С.4.

в зависимость от общества. Экономическое поведение человека при капитализме, по Марксу, это социально-классовое поведение, определяемое господством частной собственности на средства производства.

В рамках неоклассической теории модели экономического поведения человека определяются законом равновесия спроса и предложения. Действие этого закона распространяется не только на материальные, но и на все жизненные блага, в том числе не являющиеся непосредственным результатом экономической деятельности. В силу их ограниченности человек вынужден делать выбор, отказываясь от одних в пользу других. Согласно этим посылкам, модель *homo oeconomicus* можно интерпретировать как превращенную форму «неэкономического» человека, руководствующегося всеобщим принципом ограниченности выбора при вступлении в поле экономических отношений, т. е. в сферу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ.

На современном «рынке» теоретических идей и концепций особо позиционирует себя также и институционализм. Институционалистов разных времен («старый» и новый институционализм) объединяет модель человека как совокупности принципов, правил и норм, регулирующих его социальное и экономическое поведение. В новейших институциональных моделях *Homo oeconomicus* − это игрок. Он стремится максимизировать коммерческую выгоду в рамках формальных и неформальных ограничений и в то же время изменить эти ограничения, в особенности систему государственного регулирования рынка, в свою пользу. В идеале эволюционное взаимодействие институтов и игроков должно обеспечить все более крепнущее и эффективное единение интересов индивида и общества.

Наконец, в числе теорий, умножающих подходы к моделированию *homo oeconomicus*, следует выделить так называемую «эволюционную экономику», трансформирующую закон естественного отбора живых организмов (Ч.Дарвин) в закон экономического развития. Основным объектом эволюционной экономики считается совокупность родственных фирм, или их популяций, внутри и между которыми идет борьба за существование.

Homo oeconomicus в рамках этой теории можно представить как человека нестандартного мышления и действия, инноватора, обладающего способностью соединять традиционные производственные ресурсы (сырье, оборудование, рабочая сила) в новых, нетрадиционных и наиболее эффективных комбинациях. Этим обеспечиваются конкурентные преимущества объекта «естественного» экономического отбора, будь то предприниматель, корпорация или отрасль.

При всех различиях экономических теорий их сближает предмет исследования – отношения людей в процессе экономических, а также социальных взаимодействий. Это возвращает нас к вопросу о том, насколько пра-

вомерно рассматривать вид деятельности и необходимые для ее осуществления средства в качестве основы моделирования поведения человека в общественной среде.

Концепция человеческой деятельности как единственно адекватного экономической теории предмета исследования наиболее категорично выражена в трудах представителей так называемой «субъективной экономической школы» (Л. Мизес, Ф. Хайек и др.). Этой концепции отвечает «человек действующий» (*homo agens*), поведение которого определяется его конкретным выбором в конкретных условиях данной среды. «Экономическая наука изучает реальные действия реальных людей. Ее теоремы не относятся ни к идеальному или совершенному человеку, ни к призраку мифического экономического человека (*homo oeconomicus*), ни к статистическому понятию среднего человека (*homo moyen*). Человек со всей его слабостью и ограниченностью, любой человек как он живет и действует, является предметом [экономики]»[1].

Фактически экономисты субъективной школы приходят к отрицанию научной значимости и возможности моделирования человеческого поведения, хотя и вынуждены оперировать понятием «идеальных типов». Однако, постулируя человеческую деятельность как тождественную с его целеустремленным поведением[2], они тем самым уходят в еще более глубокие абстракции, вместо подъема на действительно конкретную поверхность экономической жизни человека и общества[3].

Разумеется, речь не идет и не может идти о каком-либо низведении или развенчании категории «человеческая деятельность»; вопрос в другом – что именно определяет общественное поведение человека: вид человеческой деятельности или же ее мотивация, вид интереса? Для ответа на этот вопрос достаточно, на мой взгляд, ввести в анализ отношения собственности и их носителей-собственников средств производства, собственников предпринимательских способностей, собственников рабочей силы и собственников домашнего имущества, конечных потребителей.

Современная экономическая теория («западная») признает различия интересов этих групп, или носителей отношений собственности, независимо от видов деятельности. Интерес собственника средств производства-капиталиста состоит в максимизации капитала в любом виде деятельности, будь то производство кукол «барби», или ядерного оружия. Та же самая

---

[1] См.: *Мизес, Л.* Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. − М., 2000. − С. 610.

[2] См. там же. − С. 14, 21.

[3] Причина большого внимания, уделяемого автором субъективной экономической теории, заключается в том, что принцип методологического индивидуализма, на котором эта теория базируется и который в ней доведен до крайности, сохраняется и в арсенале новейших течений экономической мысли.

независимость от вида деятельности характерна для предпринимателя, везде руководствующегося принципом максимизации прибыли. Большая привязанность к виду деятельности как профессии свойственна рабочему, но экономический интерес для него связан прежде всего с уровнем заработной платы. Конечные проявления классовых, групповых и индивидуальных социально-экономических интересов со всеми их противоречиями наглядно демонстрируются домашним хозяйством, физическим и виртуальным соседством хором и хижин.

Сторонники субъективной экономической теории пытаются снять противоречия интересов основных субъектов рынка самым тривиальным способом: в реальной жизни не существуют как таковые собственники капитала, рабочие, предприниматели и конечные потребители; все это вымышленные лица, фантомы *homo oeconomicus*. «В живом и деятельном человеке неизбежно сочетается несколько функций. В дополнение к этому он – предприниматель, землевладелец, капиталист, рабочий или лицо, живущее за счет потребления перечисленных выше субъектов. Более того, очень часто функции предпринимателя, землевладельца, капиталиста и рабочего сочетаются в одном лице»[1].

Не углубляясь в тезис о действительно возможном сочетании перечисленных функций в одном лице, заметим, во-первых, явно выраженную апологию капитализма в этом тезисе, во-вторых, его деструктивную направленность относительно необходимости и возможности научного предвидения экономического поведения основных субъектов рынка. Представляется вполне очевидным, что модель экономического поведения собственника средств производства – капиталиста, модель предпринимателя и модель рабочего – это разные модели, и объединение их в одной модели *homo oeconomicus* – это праздные, пустые для экономической науки и хозяйственной практики занятия. По сути, к этому и призывает теория свободного субъективного выбора.

Для России, якобы покончившей с командно-административной системой и якобы построившей реальную рыночную экономику, проблема научного предвидения экономического, а значит, и социального поведения человека в его различных ипостасях является архиактуальной.

Официальная статистика, экономические и социологические исследования свидетельствуют, что проводимые в стране реформы не привели к устойчивому прогрессу ни в одной из основных составляющих системы социально-экономических отношений – труд, капитал, предпринимательство. Человек как главная производительная сила уступил место человеку-товару, ставшему дешевой, а то и вообще ненужной рабочей силой. В один ряд обесцененных социально-экономическим кризисом товаров выстроились: рабочие, инженеры, ученые, служащие, работники всех профессий

[1] *Мизес Л.* Человеческая деятельность… − С. 238.

наемного труда. И только собственник средств производства, капиталист определил себя в другом, нетоварном ряду. Он Бог. Для него олицетворение капитала, уподобление товару− это кощунство, это оскорбление, караемое без суда и следствия. Воистину поразительно, как может современное «цивилизованное» общество уживаться с разделением на товарную и нетоварную части! С разделением, уходящим в эпоху рабства.

В своей исторической миссии капитализм, как известно, знаменовал обобществление первоначального накопления и концентрацию человеческих, материальных и денежных ресурсов созданием качественно новых производительных сил, высокомеханизированного и автоматизированного производства. В российском варианте преобразование социалистического накопления в капиталистическое сопровождалось разрушением производительных сил, ранее созданных на тех же, что и в развитых странах, принципах концентрации капитала, специализации и кооперирования предприятий.

Следуя закону максимизации прибыли, американский или немецкий, французский и японский капиталисты сознают необходимость обновления производственного аппарата и создания условий для роста производительности труда, вкладывает инвестиции в профессионально-техническую подготовку и повышение квалификации работников. Российский капиталист также выдвигает условие, чтобы производительность труда рабочего росла быстрее, чем его зарплата, но полагает возможным достигнуть этого на базе запредельно изношенного (в промышленности до 70%) оборудования, которое становится все более техногенно опасным в эксплуатации. Законом для него является не капитализация прибыли, вложение ее в развитие производства, а больше ее тезаврация, превращение в личное сокровище путем вывода в зарубежные авуары, покупки роскошных дворцов и яхт, приобретения впрок и за бесценок земельных и лесных угодий, криминальной приватизации национального богатства страны.

Следствием специфического поведения российского *homo capitalis* является застойность в решении проблем развития инновационного сектора экономики и предпринимательства. В науке общепризнанно, что именно предприниматель выступает носителем инновационной функции в производстве; это человек, обладающий способностью соединять трудовые, материальные, информационные и другие экономические ресурсы в новых, нетрадиционных и наиболее эффективных комбинациях[1].

Собственник средств производства и предприниматель – это чаще всего разные лица, собственник нанимает предпринимателя на контрактной основе. Но российский *homo capitalis* сам себя считает предпринимателем только потому, что он инициирует и осуществляет передел собственно-

[1] См.: *Шумпетер, Й.* Теория экономического развития. − М., 1982. − С.171.

сти, хотя и не питает никакого интереса к инновациям. В связи с этим нельзя не заметить, что Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) выполняет в основном функции совокупного *homo capitalis*, а не *homo innovaticus*, судя по скромности вклада РСПП в развитие «экономики знаний» и действительно инновационного предпринимательства.

Одним из наиболее острых с точки зрения предсказуемости социального поведения *homo economicus* в России является непомерно возросшее и углубляющееся имущественное расслоение общества. По числу и темпам роста количества долларовых миллиардеров и мультимиллионеров Россия вошла в мировые лидеры, тогда как более половины российских граждан живет на 4 доллара в день[1].

Данные Росстата о разрывах между наиболее богатыми и наиболее бедными группами населения, на наш взгляд, нельзя считать достаточно достоверными, но и по этим оценкам разница между богатыми и бедными в России более чем вдвое выше, чем например, в Германии. Бедность отягощает даже те семьи, где все ее трудоспособные члены имеют оплачиваемую работу. Финансовый кризис и растущая безработица еще сильнее отягощают проблему бедности и социального неравенства в стране.

Целям согласования интересов труда и капитала призвана служить система «социального партнерства», функционирующая на базе разветвленной сети трехсторонних комиссий (представителей работников, работодателей, органов государственного и муниципального управления). К сожалению, наиболее слабым звеном в этой системе являются трудовые коллективы и представляющие их общественные организации, профсоюзы. Так, по данным ВЦИОМ (май 2009), из общего числа опрошенных 60% ответили, что профсоюзы практически не играют никакой роли, реально не помогают людям[2]. Одна из наиболее весомых причин безынициативности и беспомощности профсоюзов, как и других общественных организаций, заключается в срастании органов государственного управления с бизнесом, в коррупции, охватившей по словам Президента РФ, все эшелоны власти. В таких условиях общественные организации скорее помеха, чем партнеры государства.

Статус социального государства, прописанный в Конституции РФ, пока что во многом остается формальным. Реальному его наполнению могло бы способствовать качественное обновление бюрократического аппарата, выработка мер по формированию облика и поведения *homo bureakratos*, наиболее полно отвечающего социальным и экономическим интересам общества.

---

[1] См.: Доклад о развитии человека 2005. Программа развития ООН. − М., 2005. − С. 253.

[2] См.: Социология власти. − М., 2009. − № 5. − С.231.

Список литературы

Автономов, В.С. Человек в зеркале экономической теории. − М., 1993.

Мизес, Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. − М., 2000.

Шумпетер, Й. Теория экономического развития. − М., 1982.

Доклад о развитии человека 2005. Программа развития. ООН. − М., 2005.

Социология власти. − 2009.− № 5.

© Злобин Б.К., 2010